

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

СОВЕСЕДНИК

Нателла Болтянская: Левые идеи о всеобщей свободе угрожают правам человека

Бард и журналист — о диссидентском движении в разных странах, международном имидже России и своём творчестве

ВЕРА ГИРЕНКО

— Нателла, ваше выступление стало одним из ключевых на форуме «Гражданские сезоны», посвящённом Дню памяти жертв политических репрессий, который отмечается 30 октября. Из истории складывается впечатление, что в XX веке диссиденты существовали только в СССР. Так ли это?

— Безусловно, диссидентство — это явление, которое в большей степени было свойственно гражданам Восточной Европы и Советского Союза, но в то же время диссиденты были и в американском обществе. В 1973 году советский диссидент Сергей Ковалёв получил письмо с коротким адресом «Москва, диссидентам». Содержание этого письма было примерно следующим: «Вы — советские диссиденты, а я — американский диссидент. Меня зовут Дэниэл Берриган». Выяснилось, что это пастор, который протестовал против войны во Вьетнаме. Вместе с братом они публично сжигали повестки во Вьетнам, оба многократно сидели.

Кроме того, было целое направление студенческих протестов в странах Европы в 1968 году. В какой-то степени это был диссидентский молодёжный протест. Это было мягкое проникновение левых идей в мировое общество.

В целом, повторюсь, диссидентство свойственно человеку восточного социалистического лагеря. В то же время этот термин сейчас существует во многих обществах. Более того, как мне кажется, сегодня это связано в основном с носителями левых идей, что меня раздражает. Потому что диссидентами советского периода были люди, ратовавшие за права человека, за религиозные и творческие свободы. Как мне представляется, левые идеи противоречат этим свободам. В то время как в США сегодня носители левых идей, которые считают себя диссидентами, не понимают, куда они ведут общество. На деле выясняется, что левые идеи о всеобщей свободе угрожают правам человека и нормальным экономическим механизмам, которые позволяют странам полноценно функционировать.

— Тема диссидентства кажется вам актуальной для современной России?

— Для меня интерес к диссидентскому движению в Советском Союзе был обусловлен тем, что нынешний тренд российской политики — это ностальгия по ценностям СССР, возврат к этим ценностям и декларирование советской системы как лучшей. Я с глубоким уважением отношусь к диссидентам разных периодов. Но мне кажется, что, в частности, моя задача — рассказать правду о том, что происходило в пресловутой советской системе.

ФОТО АЛЕНА УЖЕГОВА

— Когда вы стали заниматься этой темой глубоко и научно, были ли у вас какие-то неожиданные открытия и удивления?

— Во-первых, меня удивил тот факт, что международная поддержка диссидентского движения выросла из поддержки еврейского движения. Будучи еврейкой, я очень боюсь евгеники, мне очень не нравится, когда говорят, что этот народ лучше, чем тот.

Для меня было открытием, что, когда в Вашингтоне шли марши в поддержку советских евреев, то до своей гибели на эти марши ходил Мартин Лютер Кинг.

Для меня было открытием, что с 1962 по 1982 год ежедневно у здания советского посольства в Вашингтоне стояли пикеты с плакатом Let my people go, и это адресовалось советской власти. Но существует еврейская суббота, праздники, когда нельзя ничего делать. В рамках межконфессиональной помощи там же стояли евангелисты-христиане. Они брали те же плакаты и шли к посольству. Это, на мой взгляд, ужасно трогательно.

— Есть ли страна, в которой всё идеально и соблюдаются все права человека?

— Согласно социологическим опросам, самыми счастливыми в мире являются жители Вануату. Не имела чести там побывать, поэтому ничего не могу сказать.

Конечно, идеала нет. Я довольно часто даю интервью зарубежным русскоязычным медиа. И каждый раз обязательно прорывается в эфир звонок от человека, живущего или в Америке, или в Израиле, или в Канаде. Этот человек неизменно делает замечание о том, что, мол, везде есть свои проблемы и в целом везде всё одинаково. В ответ я обычно спрашиваю: а давно ли вы бывали в посольстве Север-

ной Кореи с целью просить там политического убежища? Почему-то ни один из собеседников не сказал, что он был там вчера и получил это убежище.

Это я к тому, что да, не существует идеальной системы, но относительность утверждения тезисов прав человека и свобод — ключевой момент. Есть люди, которые живут в более свободном обществе. Есть люди, которые живут в менее свободном обществе. Говорят, что в Швейцарии людям живётся свободнее, чем в России.

— Как вам видится, международный имидж России совпадает с тем, что мы сами думаем о себе?

— Наше ощущение, что все только и думают о России и её имидже на международной арене, сильно преувеличено. Да, мы существуем как некий фактор международной политики, о нас пишут, но далеко не в том масштабе, как мы сами себе это представляем. При этом о правах человека в России сегодня говорят действительно много.

Приведу один пример. Несколько лет назад, в декабре 2016 года, я была приглашена в качестве спикера на празднование Дня прав человека в Конгрессе США. На этом мероприятии было четыре спикера, из которых двое — американцы. Они говорили исключительно о происходящем в России — в контексте нарушения прав человека. Ещё была одна дама из Румынии, которая говорила про коррупцию в своей стране. Четвёртой была я, которая говорила про американских законодателей и про права человека в Советском Союзе.

Резюмируя, скажу ещё раз: да, интерес к России есть, но, повторюсь, он очень частный и сравнительно небольшой.

— Сейчас много говорят о том, что национальные государства пережива-

ют кризис и что будущее за интернациональными сообществами людей, объединённых общими интересами. Согласны ли вы с таким мнением?

— Да, мир стремится сейчас к стиранию границ. Благодаря современным технологиям мир становится всё более тесным. Мировая система идёт к интеграции. Тем не менее всё, о чём вы сказали, кажется мне утопической идеей. До тех пор, пока существуют страны, лидеры которых говорят о том, что они мечтают сбросить какое-то государство в Индийский океан, — это нереально.

Огромное количество социумов находится на уровне развития XVI века: устроим крестовый поход, всех завоюем, все будут христианами насильственно. До тех пор, пока существует этот разрыв в шаблонах, этой утопии нельзя будет достигнуть. Единственное, что может всех объединить, — это комплекс соблюдаемых всеми законов.

— На «Сцене-Молот» в Перми можно было услышать вашу новую песенную программу «Софья Власьева». Когда началось ваше увлечение бардовской песней?

— Началось это почти 40 лет назад. Более того, песни мои примерно про то же, про что я пишу в моих публицистических работах. Мне кажется, у меня в этом нет никакого идейного разрыва. Есть два типа комплиментов, которые я часто слышу в свой адрес. Первый: мне известно, что вы хороший журналист, но стало открытием, что вы ещё и поёте. Второй: мне известно, что вы прекрасно поёте, но стало открытием, что вы ещё и журналист. Для меня в бардовской песне есть три авторитета: Александр Галич, Булат Окуджава и Новелла Матвеева.

— Как бы вы определили суть феномена советской и российской бардовской песни?

— Для советского времени это уникальный жанр антиофициоза. Существует множество мнений относительно того, когда этот жанр образовался. Я отнесла бы к этому жанру и Вертинского, и Игоря Северянина, который свои стихи не читал, а пропевал. Известно, что первые произведения канонической авторской песни были написаны Михаилом Леонидовичем Анчаровым. В 1938 году на стихи Александра Грина была написана песня «Не шуми, океан, не пугай...».

Наверное, вопреки своей не любви к определению особого пути какой-либо нации, я бы сказала, что бардовская песня — это жанр советского разлива. Сегодня он переживает не самые лучшие времена. Я понимаю, что форма жанра должна меняться. Поэтому я считаю, что наследник авторской песни — это рэп.